СИСТЕМНЫЙ ЛИТРПГ • КНИГА ПЕРВАЯ

ПРАВО ДОСТУПА

> run "Холодный старт"

```
$ ssh ess@localhost
> пользователь: Кривцов А. Б.
> уровень: 1   титул: непричастный
> статус: КРИТИЧЕСКИЙ   осталось: 00:04:17
> рекомендация: обратитесь в храм. или умрите.

> restore
восстановление... 10%... 50%... 100%
система восстановлена. добро пожаловать.

> _
```

Мир — это система.

Кто-то забыл уволить из неё админа.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Белый

Право доступа. Книга 1 - Холодный старт

https://litres.ru/74813032
SelfPub; 2026

Аннотация

Сисадмин Лёха Кривой умер на работе от удара током, чиня сервер. А очнулся — в теле четырнадцатилетнего Алекса Кривцова, сына обедневших бояр, которого мир записал в «непричастные». Система отвергла его при Причастии, отняла магию, титул и будущее.

Но у Лёхи есть то, чего нет ни у кого в этом мире - командная строка. И когда система говорит «носитель повреждён», он знает, что делать.

Теперь у него месяц, чтобы погасить долг, который его семья не потянет, научиться быть боярским сыном — и не спалиться, пока за ним наблюдает храмовый следователь, умеющий задавать вопросы страшнее любого боярина.

Мир — это система. И кто-то только что вошёл в неё с правами администратора.

Содержание

Глава 1 "Kernel panic" 4
Глава 2 Завтрак 20
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Дмитрий Белый
Право доступа. Книга 1 - Холодный старт

Глава 1 "Kernel panic"

Три часа ночи. За окном Москва, которая никогда не спит, но в этот час хотя бы притворяется. В офисе никого — только Лёха, сервер, собственноручно устроивший себе незапланированный даунтайм, и кружка холодного кофе, к которому он не притрагивался часа два. В наушниках — Prodigy, «Breathe».

Серверная пахла горячей пылью и жареным. Не метафорически — буквально: где-то в глубине стоечного шкафа что-то плавилось. Этот запах Лёха Кривой, двадцативосьмилетний сисадмин компании «Ромашка-Софт», узнал бы из тысячи. Запах смерти. Не его — железной. Железо умирало медленно и с достоинством, отправляя последние пакеты в никуда.

— Ну что, дружище, — сказал Лёха серверу, заглядывая в открытый корпус. Пыль, паутина, воспоминания о лучших днях. — Опять «критическая ошибка»? Синий экран? Классика. Ты, наверное, гордишься собой?

Сервер молчал. Серверы всегда молчат когда умирают. Это у них рофессиональное.Лёха сунул руку в глубь корпуса, нащупывая блок питания. Пальцы наткнулись на что-то горячее. Оголённый провод. Искра. Темнота.

Но темнота была не как в кино, где герой видит свет в конце тоннеля и слышит голоса умерших родственников. Нет. Темнота была цифровая. Чёрный фон. Белый текст.

SYSTEM FAILUREПользователь: Aleksey KrivoyСтатус: критическое повреждение носителяРекомендация: перезагрузка...Перезагрузка невозможна. Носитель не найден.Поиск альтернативного носителя...Найден: Кривцов Алекс, 14 лет. Статус: умирающий. Отторжение Причастия.Перенос сознания...Ошибка. Ошибка. Ошибка.Продолжить? Да / Нет / Я всё равно это сделаю

Лёха, даже в виде бесплотного духа, не удержался. Вселенная, если это компьютер, — с отвратительным UX. Ни прогресс-бара, ни отмены операции, только кнопка «Ок» и надпись «Не закрывайте это окно».«Жму Да, — подумал он. — Всё равно уже сдох. Хуже не будет. Наверное».

Мир схлопнулся. Без вспышек и музыки — просто воронка, будто кто-то нажал Ctrl+Alt+Del на реальности и выдернул шнур.

Он открыл глаза. Потолок — деревянный, в трещинах. Пахло ладоном, травами и слабо чем-то горелым. Не как в серверной. Как в церкви, где забыли проветрить.

Тело горело. Буквально. Каждый нерв, каждый капилляр

орал от боли. Лёха попытался пошевелиться — не смог. Попытался вздохнуть — получилось, но с хрипом, как у старика с эмфиземой.

Перед глазами мигал интерфейс. Полупрозрачный, знакомый по играм, но непривычно реальный. И красный. Аварийный.

ЕДИНАЯ СИСТЕМА СВЯЗИ (ЕСС)Пользователь: Кривцов Алекс БорисовичУровень: 1Титул: НепричастныйСтатус: КРИТИЧЕСКИЙ. Отторжение Причастия. Осталось: 00:04:17Интерфейс: НЕ ДОСТУПЕНМагия: НЕ ДОСТУПНАРекомендация: обратитесь в ближайший храм. Или умрите.

— Отлично, — прошептал Лёха. — Даже в загробной жизни у меня BSOD.

Рядом кто-то плакал. Женщина. Лёха повернул голову — это заняло все его силы — и увидел её. Мать. Не его мать. Другая. Но глаза — как у всех матерей, теряющих сыновей. Красные. Опухшие. Полные отчаяния.

— Алекс, сынок, — всхлипывала она. — Не уходи. Пожалуйста. Не уходи.

Рядом — девочка лет двенадцати. Сестра, догадался Лёха. Плачет тихо, в кулачок. У двери — мужчина, бледный, сжал кулаки так, что побелели костяшки. Отец. И — старик в серой рясе. Жрец жезлом читает молитву.

— …и да примет Творец его душу, и да будет воля Твоя… — Так, — сказал Лёха вслух. — Стоп. Отбой. К «воле Тво-

ей» я ещё не готов.

Женщина вскинула голову. Девочка ахнула. Мужчина шагнул вперёд. Жрец замолчал, уставившись на «умирающего» с выражением, которое Лёха видел у пользователей, впервые открывших командную строку. Смесь ужаса и любопытства.

— Сынок? — прошептала мать.— Мам, — сказал Лёха, и слово вышло на удивление легко. — Я это… перезагружусь ненадолго.

Он закрыл глаза. В интерфейсе осталось три минуты пятьдесят секунд. Тело горело. Отторжение Причастия. Что бы это ни значило, звучало как «несовместимость драйверов».«Так, — подумал он. — Я айтишник. Я чинил сервера. Будем считать что это тоже сервер — только биологический. Что я делаю с умирающим сервером?»

Ответ был очевиден и прозаичен как непреложная истина и знакомые до боли слова оператора техподдержки. Перезагружаю. Костылём, через консоль, но перезагружаю.Он мысленно «осмотрел» интерфейс. Красный. Мигающий. Бесполезный. Ни кнопок, ни меню — только текст. И в самом углу — едва заметная мигающая строчка-курсор. >_

Лёха мысленно «ткнул» в него. Открылась консоль. Чёрный фон, зелёный текст — как в старых фильмах про хакеров.

КОМАНДНАЯ СТРОКА ЕССДоступ: ОГРАНИЧЕН (непричастный)Введите команду:— Так, что у нас тут?

help.Доступные команды: status, restart, restore, debug, exit.Остальные команды заблокированы. Обратитесь к администратору.

— Администратор? — хмыкнул Лёха. — а я тогда кто?

status.Уровень: 1. Титул: Непричастный. Статус: критический. Отторжение Причастия.Причина: несовместимость носителя и системного импланта.Решение: замена носителя (невозможно) или восстановление системы (требуется root-доступ).

— Root-доступ. Ну конечно. Всё как всегда: без рута даже не умереть нормально.Он попробовал:

> sudo restoreКоманда не распознана. Попробуйте help.
— Ладно. restore.> restoreВосстановление системы...Ошибка. Носитель повреждён.Попытка обхода...Обход выполнен.Восстановление... 10%... 50%... 100%.Система восстановлена. Добро пожаловать, пользователь.

Интерфейс мигнул. Красный сменился зелёным. Тело перестало гореть. Лёха сделал первый полноценный вдох. Выдохнул. Открыл глаза.Мать смотрела на него. Жрец — тоже. У жреца дрожал жезл. Девочка — Настя, вспомнил Лёха, её зовут Настя — прыгала на кровати. Отец — Борис — стоял, открыв рот.

— Он… жив? — прошептал жрец.— Ну… — Лёха попытался улыбнуться. — Я это… ребутнулся малость.

Жрец упал на колени. Буквально, с грохотом. Лёха поморщился: колени у старика были явно не железные.

— Чудо! — завопил жрец. — Творец услышал наши молитвы! Непричастный — исцелён! Это знамение! Это…— Это перезагрузка, — сказал Лёха. — Но можете называть это чудом. Мне без разницы.Жрец не слушал и уже читал благодарственную молитву. Мать плакала, теперь от счастья. Настя визжала. Отец крестился.— Тише! — Жрец поднял руку. — Мальчику нужен покой! Он только что вернулся из-за грани. Ему нужно отдохнуть, восстановиться. Оставьте его. — Он посмотрел на мать. — Лариса, задёрни шторы, пусть поспит. Я приду завтра. Поговорим. И сообщу в храм. Это… великое событие.— Ага, — сказал Лёха – Отдых это как ра то что мне сейчас нужно, а тотглова как будто не своя.

Жрец вышел. Мать поцеловала его в лоб: «Отдохни, сынок. Я приготовлю поесть». Настя обняла так, что хрустнули рёбра: «Братик! Ты живой!» Отец просто стоял и смотрел. Молча. Потом вышел следом за матерью и Настей. Дверь закрылась.

Тишина.

Лёха или теперь уже Алексей лежал, смотрел в потолок, слушал, как за дверью стихают шаги, как скрипят половицы, как где-то капает вода. Как интерфейс мигает в такт пульсу.

Вот теперь — можно. Только он и «Древняя» глючная система. Как в старые добрые времена — только вместо сервера собственный мозг.

— Так, — сказал Лёха вслух. — Приступим к диагностике.

Он открыл консоль. Ввёл:> statusУровень: 1. Титул: Непричастный (ошибка). Статус: стабильный.Статы: Сила 5, Ловкость 6, Интеллект 12, Харизма 4, Удача 1.Мана: 10/10. Здоровье: 50/50.Особые способности: командная строка (скрытая), патчинг (скрытая), взлом (скрытая).

«Так. Уровень 1. Титул Непричастный. Это плохо. Непричастный — социальное дно, изгой. Даже если я починился, все будут видеть Непричастного. А значит — никакого доступа, никаких квестов, никаких возможностей. Надо это исправить».

Он снова открыл консоль:> helpДоступные команды: status, restart, restore, debug, exit, patch, hack, mask, memory.Новые команды разблокированы: patch, hack, mask, memory.

— О. Уже лучше. mask? Что это?> help maskmask — изменение отображения статуса для других пользователей.Синтаксис: mask(target: [self/other], parameter: [value], visible: [true/false]).Пример: mask(self, title, "Боярин", true) — все видят ваш титул как "Боярин".Внимание: маскировка не меняет реальный титул, только отображение. При проверке "Модератором" маскировка может быть раскрыта.

Лёха ухмыльнулся. «Маскировка. Как в играх. Только тут — реальность. И Модератор может раскрыть. Значит, маскироваться надо так, чтобы даже Модератор не заметил. Или заметил, но было уже поздно».

Он ввёл:> mask(self, title, "Боярин", true)Маскировка при-

менена. Титул: "Боярин" (отображение). Реальный титул: "Непричастный" (скрыт).Внимание: маскировка может быть раскрыта при "глубоком сканировании".Теперь надо было замаскировать уровень. Уровень 1 — подозрительно. У четырнадцатилетнего пацана должен быть уровень… какой? Настя — уровень 4. Значит, у пацана его возраста — где-то пять–семь. Лёха ввёл:> mask(self, level, 5, true)Маскировка применена. Уровень: 5 (отображение). Реальный уровень: 1 (скрыт).Внимание: при повышении реального уровня маскировка автоматически корректируется (+1 к отображаемому уровню за каждые +1 к реальному).

— О умная система. Сама корректирует изменения. Значит, если я буду качаться, все увидят, что я качаюсь. Нормально. Как все, только чуть быстрее. Это тоже надо будет замаскировать но потом.

Он посмотрел на статы. Сила 5, Ловкость 6, Интеллект 12, Харизма 4, Удача 1. Для пацана — норм. Но «Боярин» должен быть сильнее. Или нет? Молодой боярин, только после Причастия — может быть и слабым. Лёха решил статы пока не трогать. Слишком много изменений и куча инфы которую надо сначала изучить. Все из принципа «Работает — не трогаем, а не работает – проверяем достаточно ли синей изоленты».И тут перед глазами сами собой всплыли картинки. Только не его картинки. И это было странно. «Сильномалостьматьего» странно.

Вот ему семь лет. Первый раз в храме. Жрец с реликтовым

жезлом: «Не бойся, мальчик. Сейчас Творец коснётся тебя». Жезл касается лба. Искра, боль, и тишина. Пустота. Ни интерфейса, ни статов. Ничего. А потом голос жреца, глухой, как приговор: «Отторжение. Непричастный. Прости, мальчик».

Вот ему десять. Дворовые пацаны. «Эй, Непричастный! А правда, что тебя Творец отверг? А правда, что ты проклятый?» Камень в спину. Больно. Не физически — хотя физически тоже. Внутри, где-то под рёбрами.

Вот ему двенадцать. Мать плачет в подушку. Отец пьёт в подвале. «Долг, — шепчет отец. — Долг, долг, долг…» Как плохой скрипт, который зациклился и не может выйти из цикла.Вот ему тринадцать. Настя. «Братик, а тебя правда Творец не любит?» И он — Алекс, не Лёха, а тот, другой Алекс — гладит её по голове: «Нет, Настя. Творец всех любит. Просто… меня — чуть меньше».

Лёха резко сел на кровати. Голова закружилась. Чужие воспоминания накатили новой волной — как спам в почтовом ящике.

— Стоп, — сказал он вслух. — Стоп-стоп-стоп. Откуда я это всё помню?Он открыл консоль. Пальцы привычно дёрнулись — набрать команду, — но набирать надо было мысленно.

> help memorymemory — управление памятью пользователя.memory.info — информация о памяти.memory.log — журнал загрузки памяти.memory.dump — создать дамп (тре-

буется root-доступ).

— memory.log, — пробормотал Лёха.

> memory.logЖУРНАЛ ЗАГРУЗКИ ПАМЯТИПользователь: Алекс Кривцов (исходный).Событие: критическое повреждение носителя (смерть).Действие: аварийная архивация памяти.Причина: стандартный протокол ECC при повреждении носителя.Статус: архив создан (сжатый). Место: временный буфер ECC.Далее: перенос сознания нового пользователя (Aleksey Krivoy) в тело.Действие: слияние сознаний.Результат: память исходного пользователя загружена в нового пользователя.Статус: ЗАВЕРШЕНО.Примечание: память исходного пользователя доступна как «вторичный дамп».Не является основной личностью. Может вызывать дезориентацию, головные боли, «фантомные воспоминания».

Лёха уставился на экран. Потом на свои руки. Потом снова на экран.

— То есть… — сказал он медленно. — Система, когда пацан умер, сделала бэкап его памяти. А потом, когда меня перенесло в это тело, залила этот бэкап в меня. Как драйверы после переустановки Windows. Только вместо драйверов — чужая жизнь.

Аварийная архивация — стандартный протокол ECC. При повреждении носителя система автоматически сохраняет память пользователя во временный буфер. Если носитель восстановлен или заменён — память загружается в нового

пользователя.

— И я теперь помню его жизнь? Как свою?

Память загружена как «вторичный дамп». Вы можете получать к ней доступ, но она не является вашей основной личностью. Рекомендуется «индексировать» воспоминания по мере необходимости. При длительном использовании возможна «потеря личности» (вы начнёте считать себя Алексом Кривцовым, а не Алексеем Кривым).

Лёха хмыкнул. — «Потеря личности». Звучит как синий экран для мозга. Ладно индексируем.Он попробовал:

> memory.indexИндексация памяти... 10%... 50%... 100%.Доступно 47 «воспоминаний».Категории: семья (12), детство (15), Причастие (3), долг (8), Настя (6), «непричастность» (3).Рекомендация: не загружайте все сразу. Это может вызвать «переполнение буфера».

— Ага. «Переполнение буфера». Как в старые добрые времена. Ладно. По одному.

Он «открыл» первое воспоминание. Семья. Мать — Лариса Кривцова. Уставшая, добрая, каждое утро варит кашу. «Алекс, сынок, ешь. Тебе надо расти». Отец — Борис Кривцов. Запуганный, сломленный, но не злой. «Сынок, мы… мы справимся. Я найду деньги. Я что-нибудь придумаю». Настя — маленькая, восторженная. «Братик, а ты научишь меня магии? А ты меня защитишь? А ты…»

Лёха закрыл воспоминание. Голова закружилась, но несильно. Индексация работала: память сортировалась, как

файлы по папкам.Следующее - Причастие. Первое. Семь лет, храм, жезл, искра, пустота. «Отторжение». Мать плачет. Отец сжимает кулаки. Настя не понимает, что происходит. Лёха закрыл воспоминание и поморщился.

Третье. Дворовые пацаны. «Эй, Непричастный!» Камень. Унижение. И — злость. Не его злость. Алекса. Тихое, бессильное: «Я не виноват. Я не выбирал быть таким». Лёха закрыл воспоминание. «Пока — хватит».

Он посмотрел на интерфейс. Память проиндексирована, вторичный дамп доступен. Голова болит, но терпимо — как после долгой ночи за компом.

— Так. Что мы имеем. Я — Лёха Кривой, айтишник. В теле Алекса Кривцова, четырнадцатилетнего «непричастного». С памятью Алекса в роли вторичного дампа. С командной строкой. С маскировкой «Боярин», уровень 5. И с головной болью. Попаданство в чистом виде.

> memory.dump sizeРазмер дампа: 2,7 ГБ. Сжатый. Доступен для «выгрузки» (требуется root-доступ).Рекомендация: не выгружайте дамп без необходимости. Это может привести к «потере памяти» (вы забудете жизнь Алекса Кривцова).

— Понял. Не выгружать. Память — ценный ресурс. Особенно в мире, где я ничего не знаю. Где я «непричастный» с командной строкой. Где каждый второй захочет меня «изучить» или «использовать». Память Алекса — это мой гайд по этому миру. Мой мануал. Мой README. Не выгружать. Индексировать. Использовать. Но не сливаться. Иначе — по-

теря личности. А я — Лёха. Не Алекс. Лёха. Запомнить. Записать.

Он ввёл:

> note add "Я — Лёха Кривой. Не Алекс. Память Алекса — вторичный дамп. Не сливаться."Заметка добавлена. Отображение: при «дезориентации».

Он откинулся на подушку. Посмотрел на потолок, на трещины, на паутину в углу. И на интерфейс. Титул: «Боярин» (маскировка). Уровень: 5 (маскировка). Всё как у всех.

— Ладно. План. Первый шаг — маскировка, сделано. Второй — прокачка. Третий — выяснить, что это за мир. Четвёртый — выжить. Пятый… пятый — потом.

Он открыл консоль. Ввёл:> logСобытие: восстановление системы. Пользователь: Алекс Кривцов. Время: [текущее].Аномалия: уровень доступа не соответствует титулу. Маскировка активна.Предупреждение: при обнаружении "Модератором" — возможен "синий экран".

— «Синий экран», — пробормотал Лёха. — Ну конечно. Всё как в жизни. Только тут синий экран — это не перезагрузка. Это смерть. Или что похуже.

Он закрыл глаза. Тело ещё болело, но уже не горело. Он чувствовал, как интерфейс мигает в такт пульсу, как по венам течёт магия — слабо, едва заметно, но есть. Как командная строка ждёт. Всегда ждёт.

— Хорошо. Теперь точно спать, а потом завтрак. Или

обед. Или что тут у них.

Он замолчал. Потому что дверь открылась. И вошла Мила.

Мила была… нормальной. В мире, где все были либо «боярами», либо «жрецами», либо «непричастными», Мила была просто Милой. Уровень 8. Крестьянка. Служанка в доме Кривцовых. Шестнадцать лет. Русые волосы, собранные в хвост. Простое платье, фартук. И глаза — умные, внимательные. Такие ничего не пропускают. Даже маскировку.— Ты выжил, — сказала она. Не вопрос — констатация факта. Вообще както – так повелось что наедине Алекс общал ся с ней как с обычной сверстницей, может хорошей подругой, опуская титулы и прочую аристократию. Может потомучто ему просто нужен был кто-то близкий, а в «Своем» кругу он слыл изгоем, может был другой повод...

— Ну… — Лёха попытался улыбнуться. — Я это… перезагрузился.— Пере… что?— То есть… — Лёха мысленно выругался. — Творец исцелил. Да. Чудо и всё такое.— Ага, — сказала Мила. И посмотрела на него внимательно, будто видела насквозь. — Чудо. Да.Она подошла к кровати, села на край. Посмотрела прямо. Без страха, без благоговения — как на человека. Не на «чудо-мальчика», не на «непричастного». Как на Алекса. Или на Лёху. Неважно. Как на человека.— Слушай, — сказала она тихо. — Я не знаю, что с тобой произошло. И не спрашиваю: это не моё дело. Но я вижу. Ты не тот Алекс, что был вчера. Другой. Взрослее. Страннее. И

глаза у тебя — как у старика. Как будто ты видел больше, чем должен был.

Лёха смотрел на неё и молчал. Что он мог сказать? «Да, я попаданец из другого мира, айтишник, умер от удара током, теперь живу в теле твоего друга, с командной строкой в голове и памятью Алекса в роли вторичного дампа»? Нет лишком рано и к тому же слишком опасно и для нее в том числе.

— Мила, — сказал он. — Я не могу объяснить пока. Но я не враг. Я — Алекс. Ну, почти. И я не хочу ничего говорить или утверждать пока сам не разберусь в этом всем.

Мила смотрела на него долго. Потом кивнула.

— Понимаю. Но запомни: я не дура, я вижу больше чем ты думаешь.

Лёха сглотнул.

— Понял.— Хорошо, тогда спи — Она встала, пошла к двери, остановилась. — И, Алекс. Я не знаю, что у тебя в голове, но глаза у тебя светятся когда ты «думаешь» как у голема на подзарядке. Не хочешь, чтобы кто-то заметил — придумай что-нибудь, а то спалишься.

Она вышла. Лёха посмотрел ей вслед, потом на интерфейс. Потом на свои руки, потом снова на интерфейс.

— «Глаза светятся», — пробормотал он. — Значит, это тоже надо замаскировать когда будет время, главное «Не думать» налюдях, как бы кринжово это не звучало.

Он открыл консоль. Ввёл:> note add "Мила — внимательная. Видит больше, чем нужно. Быть осторожнее."Заметка

добавлена.

Он попытался встать. Голова закружилась, но терпимо. Тело слушалось, руки-ноги двигались. Интерфейс мигал, но работал. Командная строка ждала.— Ладно сначала сон и еда а потом все остальное — прокачка, маскировка, командная строка....просто еще один день заштатного айтишника.Он снова "Упал" на кровать. Усталость накатила такая, какбудто он пробежал пару километров, ане сделал несколько шагов. В комнате пахло ладоном, и чем-то ещё, чему Лёха не мог подобрать определения. Может, магией или просто новым миром.

Мир ждал. Система ждала. А Лёха закрыл глаза и провалился в сон. Потому что даже админы должны изредка спать.

Глава 2 Завтрак

Просыпаться в чужом теле — это как включать чужой компьютер. Алекс открыл глаза и первым делом посмотрел в потолок. Потолок был деревянный, в трещинах, с паутиной в углу. Паутина — солидная, с многолетней историей, её хозяин явно не страдал от недостатка терпения .

Интерфейс мигнул в углу зрения, услужливо напоминая о себе:

> status

Пользователь: Кривцов Алекс Борисович

Уровень: 1 (отображение: 5)

Титул: Непричастный (отображение: Боярин)

Статус: стабильный

Голод: 84/100

Мана: 10/10

Здоровье: 50/50

Парень осторожно сел. Тело отозвалось с задержкой — как интернет у бабушки, пакеты вроде ходят, но латентность выходит за пределы допустимого. Хиленькие мышцы, острые коленки, торчащие ключицы. Алекс посмотрел на свои руки — тонкие пальцы, обгрызенные ногти.

— Ладно, — сказал он вслух, начиная привычную утреннюю диагностику. — Что мы имеем.

Он встал. Ноги держали. Голова кружилась, но терпимо

— как после суток без сна перед релизом GTA 6. Он шагнул вперёд и едва не поехал. Тело умело ходить, а вот он сам пользоваться этим пока не умел. Человек впервые сел за руль после десяти лет перерыва — и руль, надо сказать, был не его.

— Автозагрузка, — вспомнил он. — Память Алекса. Делай как Алекс, не думай.

Он попробовал отпустить контроль. И получилось. Тело само сделало шаг, второй, третий — уверенно, без запинки.

— Жутковато, — признал Алекс. — Как будто я гость под чужой учёткой.

Он открыл дверь и вышел в коридор.

Дом был старый. Не «старый» в смысле «историческая ценность», а «старый» в смысле «сервер на пенсии, который держится на этом свете исключительно благодаря мотку скотча». Облупившаяся резьба на перилах, протёртая до гладкости ступень. На стене — портрет предка в доспехах. Ниже — магофонный счётчик, мигающий жёлтым.

На маленьком кристалле высветилось: «Заряд: 23%. Рекомендация: пополнить».

Лестница скрипела каждой ступенькой по-своему — как набор драйверов, которые никто не обновлял со времён прошлой версии мира. Снизу слышались голоса.

Алекс остановился перед дверью кухни. Вдохнул. Выдохнул. Проверил маску. Титул — Боярин, уровень — пять, лицо — примерно невинное.

— Так, — сказал он себе. — Я — боярский сын, переживший чудо. И должен вести себя как… как кто?

Ответ вытащился из памяти сам — консоль лишь подсветила запись в углу зрения:

> memory.get "завтрак"

Алекс не любил кашу. Но ел. Чтобы мать не расстраивалась.

Привычка: сначала размешать, потом есть. В глаза не смотреть.

Улыбаться.

— Улыбаться — повторил он тихо. — Значит, у меня есть рабочая конфигурация, проверенная прошлым владельцем. Не документированная, без комментариев, но работает.

Он открыл дверь и вошёл на кухню.

* * *

Кухня оказалась тёплой. Не по температуре — по ощущению. Чугунок на столе, пар над кашей, хлеб настоящий, с трещинами на корке. Лавки вместо стульев. Пахло кашей, молоком и сушёными травами на потолочной балке.

Мать стояла у печи и улыбалась. Улыбка держалась, как дом на честном слове. Глаза при этом были красные, видимо вчерашние слёзы до конца не вылились.

— Сынок, — сказала она. — Садись. Ешь.

— Братик! — Настя сидела на лавке, болтала ногами, а теперь подскочила. — Ты проснулся! А тебе было больно? А ты видел Творца? А он тебе что-нибудь сказал? А магию

дал? А ты теперь будешь колдовать? А меня научишь?

— Настя, — сказала женщина — Дай брату поесть.

— Я и даю! Я просто спрашиваю! — Настя тут же придвинулась ближе, глаза горели. — А ты теперь как все? А тебя в храм пустят? А жрец придёт? Он вчера обещал!

Алекс мысленно оценил поток. Настя работала как пинг-флуд — вопросы летели со скоростью, при которой ответы уже физически не успевают. Двенадцать лет, DDoS-атака на собственного брата. И, судя по всему, ей только суждено набирать обороты.

— Отвечаю по порядку, — сказал он улыбаясь — Да. Да. Почти. Не скажу. Посмотрим.

Настя замерла с открытым ртом — похоже, впервые в жизни кто-то взял и обработал очередь её вопросов по регламенту.

Алекс сел за стол. Мать поставила перед ним чугунок. Каша — обычная, но с маслом. Масло настоящее, деревенское.

Он взял ложку. И — автоматически — размешал кашу. Не подумав. Рука сделала сама.

Мать выдохнула. Тихо, почти беззвучно. Так выдыхает человек, который всю ночь боялся выдохнуть.

— Ешь, сынок. Тебе надо восстанавливаться.

Алекс кивнул и начал есть. Каша была нормальной — не «вкусной» и не «невкусной», просто каша. Но с каждым глотком что-то внутри расслаблялось. Не у него — у Алекса. Тело помнило этот дом, мать, эту кухню, эту еду. А он сидел

и с растущим ужасом осознавал главное.

Я думал, я играю Алекса. А выходит, Алекс играет меня. Границы сущности не задокументированы, конфиги потеряны, легаси в чистом виде.

Впрочем — не думать на людях. Мила вчера предупредила. Алекс поймал взгляд, уходящий в пустоту, и насильно вернул его в кашу. Размешать. Есть. Жевать. По одной ложке. Метод работы под одну задачу за раз, иначе вылетит «Синий экран».

Мила возникла у него за спиной — бесшумно, как тот самый фоновый процесс, о котором забываешь, пока он не съест всю память, — и молча поставила кружку с травяным отваром. Он поднял глаза. Она смотрела на него — не на «чудо-мальчика», не на «боярского сына». Просто смотрела. Внимательно, как проверяют показания счётчика.

— Спасибо, — сказал Алекс.

Мила кивнула и отошла. Но взгляд её он чувствовал спиной ещё минуты две.

Отец появился следом. Борис вошёл в кухню тихо, как будто извинялся за то, что вообще имеет право доступа в дом, сел в углу, взял ложку и уставился в кашу. Не ел. Просто смотрел — как администратор в одиннадцать вечера пятницы смотрит в консоль, когда упало всё.

Алекс поймал себя на том, что тоже смотрит на отца. На его руки — большие, мозолистые и какие-то пустые. Как будто они устали держать что-то, что всё равно упадёт.

Память подкинула картинку сама, без консоли. Вот Борис пять лет назад стоит у дверей храма. Алекс выходит — бледный, с пустым взглядом. «Отторжение». Борис сжимает кулаки. Молчит. Потом говорит: «Ничего, сынок. Мы что-нибудь придумаем». И уходит. И возвращается через три дня пьяный, с пустыми руками.

— Отец, — сказал Алекс.

Борис поднял голову — медленно, как система, выходящая из спящего режима.

— Я… — Алекс запнулся. Что говорить? «Я живой»? «Я в порядке»? «Я не совсем твой сын»? — Я это. Ну. Живой.

Борис смотрел на него долго. Потом кивнул и опустил глаза обратно в кашу.

— Хорошо, — сказал он. Голос был хриплый, как у механизма, который годами не смазывали. — Это… хорошо.

И замолчал. Молчание у него было профессиональное, с многолетним стажем.

— Я найду деньги, — сказал Борис вдруг. Не Алексу. Себе. В кашу. — Я что-нибудь придумаю.

Алекс смотрел на него. Впервые за утро он почувствовал не справку из чужой памяти, а человека. Отца. Пусть не своего. Но отца.

— Мы найдём, — сказал Алекс.

Борис поднял голову. В глазах — что-то. Не надежда. Но её тень.

— Мы? — переспросил он.

— Ну… — Алекс пожал плечами. — Я же теперь живой. Значит, и я могу что-то сделать.

Борис смотрел на него ещё секунду. Потом — очень медленно — кивнул.

— Ешь. Каша стынет.

Он вернулся к своей тарелке, но Алекс заметил что плечи у отца чуть опустились. Так опускаются плечи человека, который долго нёс что-то тяжёлое и на секунду позволил себе присесть.

Мила движением пальца разожгла огонь под чайником — без спички, без растопки, мимоходом, как переключают свет. Бытовая магия. Никто даже не повернул головы.

* * *

После завтрака Алекс вышел во двор. Нужно было подышать свежим воздухом и просто основательно проветрится.

Воздух был другой. Не московский, без выхлопных газов, зато с запахом травы, дыма и чего-то сладковатого, чему он пока не подобрал названия. Небо было настоящее — без смога, без засветки какое бывает на природе в дали от города.

Он прислонился к забору. Забор был деревянный, покосившийся — но стоял. Как и всё здесь.

— Долг, — проговорил он. — Пятьсот кредитов. Срок — месяц. Где я возьму пятьсот кредитов? Я даже не знаю, сколько это и в какой валюте.

Память ответила привычной строчкой в углу зрения:

> memory.get "долг"

Долг: 500 кредитов. Храм начислил + проценты.

Сосед-боярин Грызлов Срок — месяц. В случае не оплаты конфискация дома.

Алекс выругался. Тихо, по-русски, матерно — для четырнадцатилетнего боярского сына недопустимо, но рядом никого не было, а психотерапевтов сюда вообще не завезли.

Он посмотрел на дом. На окно, где мелькнула Настя. На крыльцо, где стоял Борис и смотрел в никуда. На Милу, которая вышла вылить воду и сделала вид, что не смотрит на него. Плохо сделала вид. Из неё вышел бы скверный ниндзя и скверный разведчик.

Он открыл консоль:

> log

Событие: пробуждение. Пользователь: Алекс Кривцов.

Аномалия: уровень доступа не соответствует титулу. Маскировка активна.

Предупреждение: обнаружены внешние запросы к профилю пользователя.

Источник: сельский храм. Статус: обрабатывается.

— Обрабатывается, — хмыкнул Алекс. — Как тикет в техподдержке. С той разницей, что техподдержка — это я.

Он закрыл консоль. Посмотрел на небо, на дом, на дорогу, ведущую в деревню.

* * *

Мила поймала его в коридоре.

— Алекс.

— Да?

— Ты странно говоришь, — сказала она. Как будто… не здешний.

Алекс напрягся. Маска была на месте.

— Я много болел, — сказал он. — Мозг… перезагрузился. Заново учусь.

Мила смотрела долго. Потом:

— Ладно. Но если тебе надо что-то узнать о деревне — спрашивай. Я не боярыня. Мне врать не надо.

Она пошла дальше. Алекс смотрел ей вслед и вспоминал вчерашний скан: уровень восемь, титул — служанка. Восемь — против его честных «единиц» и пририсованных «пятёрок». Уровень — это сила. А титул — права доступа. Как у корневого пользователя: командует всеми не потому, что сильнее, а потому, что права есть. А теперь в этой системе кто? Права — у него, сила — у неё. Классическое распределение ролей: разработчик и сисадмин. Сисадмин всегда знает про прод больше, чем автор.

* * *

Вечером Алекс сидел в своей комнате — точнее, в комнате Алекса. На кровати, с блокнотом. Бумажным, настоящим: он нашёл его в столе вместе с пером. Перо было неудобное — как печатать двумя пальцами после слепой десятипальцевой, — а облака здесь не синхронизируются, приходилось писать вручную.

Он вспомнил утро. Как размешал кашу — не думая, просто рука сама. Как не смотрел матери в глаза. Как улыбался. Как будто Алекс не умер, а просто отошёл с рабочего места и оставил его за старшего.

— Эй, — сказал Алекс тихо. — Алекс. Ты там? Если там — подскажи как быть боярским сыном? Как не спалиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.